

*История о легендарной любовнице
Людовика XV*

1745 год, Франция. Никто не знал о юной Жанне-Антуанетте Пуассон. Но весь мир знал великую и могущественную маркизу де Помпадур, хозяйку Версаля. Она — та самая, кто смогла завладеть сердцем и разумом самого Людовика XV. Приближенные короля искусно плетут сети интриг, желая ослабить власть маркизы. Множество красавиц мечтают оказаться в покоях монарха и уничтожить маркизу. Даже двоюродный брат пресловутых сестер де Майи-Нель вступает в игру... Однако самой сильной соперницей маркизы становится четырнадцатилетняя кокетка. Она опасна, как ядовитые шипы, и прекрасна, как роза. Неужели дни могущества маркизы де Помпадур сочтены?

Волнующие описания и захватывающие события заставят читателей быстро листать страницу за страницей в предвкушении... До безобразия восхитительное чтение.

New York Daily News

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5084-0

9 786171 250840

САЛЛИ КРИСТИ

Фаворитки. Соперницы из Версаля

САЛЛИ КРИСТИ

Фаворитки
Соперницы из Версаля

SALLY CHRISTIE

*The Mistresses
of Versailles*
The Rivals of Versailles

a Novel

САЛИ КРИСТИ

Фаворитки
Соперницы из Версаля

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
К82

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии
«Writers House LLC» и «Synopsis Literary Agency»

Переведено по изданию:
Christie S. The Rivals of Versailles : A Novel / Sally Christie. —
New York : Atria Paperback, 2016. — 448 p.

Перевод с английского *Инны Паненко*

Дизайнер обложки *Андрей Цепотан*

ISBN 978-617-12-5084-0
ISBN 978-1-5011-0299-8 (англ.)

© Sally Christie, 2016
© DepositPhotos.com / Dark-Bird, timonko, обложка, 2018
© Nemigo Ltd, издание на русском языке, 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Данная книга является художественным произведением. Реальные лица, события и топографические названия употреблены в ней в художественном контексте. Все прочие элементы романа являются плодом фантазии автора.

Посвящается Дугласу

1730 год

Во Франции царит мир, и король Людовик XV еще молодой, красивый двадцатилетний мужчина, полный надежд и обещаний. Весь мир у его ног.

А в Париже на ярмарке, на краю огромного Булонского леса, предсказывают судьбу юной девушке, и она начинает свой путь, который вознесет ее на вершины, доступные лишь считаным женщинам. И сбросит в такие бездны, куда лишь редкие женщины отваживались спускаться.

ДЕЙСТВИЕ I

Ренетта

Глава первая

«*В*олосы у этой цыганки алые, как кровь», — в изумлении думаю я. Она перехватывает мой взгляд и зайцем подскакивает ко мне, как к старой знакомой. Но мы явно не знаем друг друга, среди моих знакомых нет подобных замарашек.

— Молю вас, не прикасайтесь ко мне, — говорю я, когда она идет мне навстречу, — что-то в ней настораживает меня. Ко мне суетливо приближается мама с булочкой в форме свинки и тянет меня подальше от этой грязной женщины.

— Только взгляните на эти очаровательные глазки! — восклицает незнакомка. Она хватает мою руку своей рукой в грубой коричневой варежке, и в нос мне бьет запах дыма и пота. — А какое кукольное личико в форме сердечка. Чудо как хороша! Хотя это и неудивительно — у такой-то матери. Я могу предсказать, что ждет ее в будущем.

— Нам не нужно предсказаний от таких, как вы! — отрезает матушка и тянет меня прочь в толпу, едва не столкнувшись с парой пастухов, которые кружатся в пьяном танце.

Ярмарка была в самом разгаре, вокруг нас бушевало веселье, шум и гам:

— Свежий лимонад! Свежий лимонад! С сахаром и без! Свежие лимоны, прямо из Прованса.

— Пара танцующих уток! Пара танцующих уток!

— Подходите посмотреть на белого медведя, всего за пятнадцать су!

— Нет-нет! — обхаживает ее цыганка, в очередной раз возникшая рядом с нами. — Я предскажу ей будущее. Я уже знаю его. — Ей удастся разбудить матушкино любопытство и ловко вывернуть карманы. — Не мне вам говорить, что это особенный ребенок. Ведь мать у этой принцессы — истинная королева.

Мама кивает, тут же смягчаясь от такого комплимента.

— Приходите ко мне в шатер, и я вам поведаю о том удивительном будущем, которое ожидает маленькую... — Она искоса смотрит на меня, замечает «Ж» на фарфоровой подвеске на ленте у меня на шее. — Маленькую Жюли... Ж... Жанну?

— Ой! Но это же меня зовут Жанной! — восклицаю я. Откуда она узнала?

Мама отмахивается:

— Но предупреждаю — больше пятидесяти су я не дам.

— Обычно я беру восемьдесят, и никто еще не ушел разочарованным.

Две женщины меряют друг друга взглядом, а я топаю ногами — мне хочется поскорее уйти, чтобы посмотреть на танцующих уток. Мне совершенно не интересно, что ждет меня в будущем, разве девятилетняя девочка сомневается в том, что будет счастлива? Они договариваются, и я неохотно слеую за рыжеволосой женщиной в полумрак ее шатра. Что-то копошится в грязном тростнике у моих ног, зловоние от необработанной кожи наполняет воздух. Она спокойно прячет монеты, которые дает ей мама, в карман и вновь берет мои ладони в свои заскорузлые, как кора, руки.

— Без карт гадать будете? — надменно интересуется мама.

— Здесь и карты не нужны, — отвечает цыганка. Внешний мир блекнет, и кажется, что цыганка становится выше ростом и стройнее. Коричневые пальцы захватывают мою ладонь, потом подбираются выше к запястью.

— Дочь твоя — настоящее сокровище, — произносит цыганка, как в трансе. — Редчайшая жемчужина. Откроешь сотни раковин, а жемчужину найдешь в одной-единственной. — И вскоре нас уже баюкает ее негромкий голос: — В будущем ты превзойдешь все самые смелые ожидания своей матери. Будешь любимой королем и станешь самой влиятельной женщиной в стране. Будущее твое сверкает, как звезды. Маленькая королева: я вижу его, как будто оно пронесится у меня перед глазами.

Она так же неожиданно выходит из транса и заискивающе улыбается маме:

— Вот такое будущее, мадам, ждет вашу дочь.

— Откуда мне знать, что вы говорите правду? — спрашивает мама, голос ее звучит как будто бы издалека. Она, как и я, находится во власти чар.

Цыганка фыркает, сплевывает на высланный тростником пол.

— Потому что я вижу будущее. Эта малышка особенная. Она станет любовницей короля.

Мама морщится. Я лишь отдаленно понимаю, кто такой любовник: это добрый мужчина, который приносит подарки и расточает комплименты, как мой дядюшка Норман.

— Но путь ее будет тернист, — продолжает цыганка, слегка поглаживая мою ладонь. — Я вижу несколько серьезных потрясений, трое мужчин на черных жеребцах пересекают ее путь.

— Какие мужчины! — резко обрывает матушка. — Она еще слишком юна.

— Три — это намного меньше, чем встречает на своем пути большинство женщин, — отвечает цыганка.

В глаза резко бьет солнечный свет, когда мы выходим из шатра в октябрьский день. Мир вокруг яркий и шумный, особенно после сумерек грязного шатра.

— Мама, — робко спрашиваю я, не решаясь задавать вопросы о пустяках после таких важных новостей, — теперь мы можем взглянуть на уток? На танцующих уток?

Мама смотрит на меня, как будто не узнает. Потом, словно очнувшись, сжимает мою руку.

— Ну конечно же, милая. Разумеется. Моя Ренетта! — добавляет она. — Моя маленькая королева. Какие чудесные новости! Пойдем посмотрим на этих уток, о которых ты все уши мне прожужжала. Все, что угодно, для моей маленькой королевы.

* * *

Тем же вечером нас навещает мамин любовник Норман. Папа в отъезде, в Германии, он впал в немилость и был отправлен по каким-то делам, насчет которых мне никто ничего не объяснял, а о нас заботится Норман. Дядюшка Норман, как я его называю, часто остается у нас на ночь. Я не знаю почему, поскольку его дом намного больше нашего. У нас нет ни одного слуги, только нянечка и Сильвия, которая работает на кухне. Наверное, ему одиноко — он не женат — или, может, отдал свое постельное белье в прачечную. Мама у меня очень красивая, и как-то Сильвия сказала, что мы живем, ни в чем себе не отказывая, только благодаря маминим друзьям. Как же хорошо, что у мамы много друзей.

Мама с дядюшкой Норманом уединились в салоне, а я обедаю в одиночестве с нянечкой и младшим братиком Абелем, который вертит и разливает молоко. Я вспоминаю о цыганке, о ее руках, похожих на старую пересушенную кожу, — почему они у нее такие заскорузлые?

— Мари, как, по-твоему, король красивый?

— Ну конечно же, милая. Он самый красивый мужчина во Франции, как и полагается.

У нас в салоне висит портрет короля: маленький мальчик в великолепном красном сюртуке. С огромными глазами и густыми каштановыми волосами. Мне кажется, что он выглядит опечаленным и довольно одиноким. Ему исполнилось всего пять, когда он стал королем. Должно быть, очень трудно быть королем, когда столь многому еще нужно научиться. Да и кто захочет играть с королем?

Конечно, сейчас король повзрослел — в этом году ему исполнилось двадцать, вдвое старше меня, — и он уже женат на польской принцессе. Сильвия уверяет, что королева

похожа на корову, и я представляю ее себе настоящей красавицей: с большими нежными глазами и умиротворенным выражением лица. Как же ей повезло выйти замуж за короля!

Позже вечером мама приходит пожелать нам спокойной ночи. Она заправляет мне под чепец выбившуюся прядь, гладит меня по щеке. Я всем сердцем люблю мамочку; монашки в школе говорят, что сердечко у меня в груди не больше грецкого ореха. Но как же может такое маленькое сердечко вмещать столько любви?

— Милая моя, мы с дядей Норманом приняли решение.

— *Oui, maman*¹. — Я отчаянно борюсь со сном, но следующие мамины слова полностью отгоняют сон.

— Жанна, милая моя, мы решили, что больше ты в монастырь не вернешься.

Ничего себе!

— Но почему, мамочка? — Я сажусь, уклоняясь от ее ласкающих рук. — Я люблю монастырь! И послушниц! И свою подружку Клодин. А как же Честер?

— Кто такой Честер?

— Наш ручной ворон!

— Милая моя, это для твоего же блага. Ты должна верить мне и дяде Норману.

— Но почему? — вновь спрашиваю я, слезы жалят глаза. Мне нравится жить в монастыре, и я тайком считаю дни до своего возвращения. Всего двенадцать осталось, но теперь эта цифра превратится в вечность.

— Дорогая, ты же слышала, что сказала та цыганка. Тебя ждет великое будущее, моя маленькая Ренетта.

— Почему ты обращаешь внимание на слова какой-то старухи? Так нечестно!

— Ренетта! Никогда не смей так говорить о людях! Какой бы грязной ни была их одежда. А теперь послушай, милая. Дядя Норман согласился заняться твоим обучением. Тебе представляется удивительная возможность: ты узнаешь гораздо

¹ Да, мамочка (*фр.*). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

больше, чем тебя могли бы научить монашки. — В подтверждение своих слов мама все сильнее сжимает мои руки. — Он обещает, что тебя будут обучать лучшие музыканты. И мы купим клавесин! Ты будешь брать уроки рисования, пения. Все, что пожелаешь.

— И географии? — уточняю я.

— Конечно же, милая. И географии. Мы выпишем из Германии глобус. И я думаю, поработаем над дикцией. Хотя и от природы у тебя очень красивый голос.

Мама уходит, а я, свернувшись калачиком, засыпаю, мечтая о собственном клавесине. Обязательно буду часто писать Клодин, и мы навсегда останемся друзьями. И они позаботятся о Честере. И все будет хорошо. Уже засыпая, я понимаю, что забыла спросить, отчего это дядюшка Норман так неожиданно воспылал желанием заняться моим образованием.

От Клодин де Сайак
Монастырь урсулинок
Пуасси, Франция
10 марта 1731 года

Дорогая моя Жанетта!

Приветствую тебя, дорогая моя подружка, и благодарю за письмо, которое я имела честь от тебя получить.

Тебе нравится мой новый почерк? Монашки высоко оценили его, даже сестра Севера! Я опечалена новостью о том, что ты больше не вернешься. Я буду очень-очень по тебе скучать. К нам приехала новенькая. Зовут ее Мадлен, но сестры настояли на том, чтобы она сменила имя, потому что сестра Севера осуждает святую Магдалену за ее грех. Что ж, она — эта Мадлен, которая теперь стала Мари, — очень хорошенькая, но не такая хорошенькая, как ты.

Честер жив-здоров, но полинял. Я хотела его перьями украсить рукав платья, но сестра Севера заставила меня пожертвовать их святому Франциску, хотя я все в толк не возьму, зачем святому Франциску перья. Как же тебе повезло, что ты учишься танцевать! А кто аккомпанирует? Жаль, что мама не позво-

ляет тебе приобрести арфу, но из-за игры на арфе и вправду можно стать горбатой.

Пиши поскорее!

Засим остаюсь покорнейшей и преданнейшей твоей слугой.

Клодин

Глава вторая

Неиссякаемый поток гостей протекает через наш дом на улице Добрых Детей. Помимо пения, мой любимый предмет — история. Теперь я знаю, что возлюбленная — это любовница, и выучила всех любовниц предыдущих королей. Моя любимица — Диана де Пуатье, которая некогда была самой красивой женщиной во Франции. Король Генрих II преданно любил ее всю жизнь.

Только представьте себе: однажды наш король полюбит и меня, как король Генрих любил Диану! Когда мне позволяют предаться грезам, что случается нечасто — мама уверяет, что я, как птичка, всегда витаю где-то в небесах, — я представляю себе короля... но что же он делает, когда любит меня... тут фантазии не хватает. Он захочет поцеловать меня, возможно, даже залезть под юбку, но потом... я точно не знаю, что мужчины ищут там под юбками у женщин. Подвязки, которые носят замужние дамы? У мамы есть пара изумительных шелковых подвязок, отороченных мехом бобра. Наверное, им нравятся подвязки.

А еще я знаю, что, когда мужчина любит женщину, он очень добр и дает ей все, что она пожелает. В прошлом месяце мама попросила у дядюшки Нормана новый мраморный столик для своего салона, и тот с радостью его купил. Если я стану любовницей короля, он мне будет дарить все, что я пожелаю! Даже не знаю, что бы я попросила: может быть, новые альбомы для рисования? Или если я окажусь на кухне, когда Сильвии не будет рядом — она уйдет отгонять нищенку, — я могла бы попросить короля раздать еду всем беднякам.

По средам я езжу на другой берег в экипаже дядюшки Нормана, беру уроки танцев. Мне нравится танцевать — когда танцую, я чувствую себя, как на качелях: парю высоко и свободно, — но мне нет дела до остальных девушек, в основном родственниц дядюшки Нормана. Его семья намного больше семьи моего батюшки — единственного сына мясника. Который и наградил меня фамилией Пуассон, что означает «рыбка».

Маленькие девочки — мама велит мне называть их кузинами, хотя они мне даже не родственницы, — фыркают при моем появлении и отпускают остроты.

— Ах, это же Жанетта Пуассон. Вам не кажется, что тут воцарит рыбой? — спрашивает Элизабет, старшая из девиц, облаченная в ужасное платье цвета горчицы. Остальные хихикают, потом вспоминают, что должны вести себя грациозно, и продолжают хихикать, уже прикрывшись своими маленькими веерами.

— У вас очень красивое платье, — отвечаю я Элизабет.

Мама говорит, что нельзя отвечать хамством на грубость; вместо этого следует, проглотив обиду, излучать в ответ сплошное обаяние. Ложь — это грех, но намного важнее быть учтивым. Откровенно говоря, цвет платья придает лицу Элизабет землистый оттенок.

— Рыба! Рыба! — словно попугай, повторяет более юная Шарлотта. Она хмурится, как будто что-то хочет сказать, только не может придумать, что именно.

— Почему вы не в монастыре? — укоризненно произносит Лизетт. Она очень хорошенькая, и под одним глазом у нее располагается мушка в форме звезды. Я очень ей завидую, но мама говорит, что нельзя носить мушки, пока мне не исполнится шестнадцать, — ждать еще целых четыре долгих года.

— Я была в монастыре в Пуасси. Там одна из послушниц — моя тетюшка.

— В монастыре доминиканцев в Пуасси? Моя кузина никогда не говорила, что там водится буржуазная рыбешка.

— Нет, в монастыре урсулинок, — мягко возражаю я. Эти девицы произносили слово «буржуазный» так, как будто речь

шла о смертном грехе, о котором можно упоминать лишь при покаянии.

— Как же это буржуазно! Насколько ужасающе по-плебейски! — взвизгивает Элизабет. — Настолько по-плебейски, как... как... — Она запинается, начинает покусывать губу.

— Так же по-плебейски, как простудиться? — прихожу я на помощь.

— Да, по-плебейски, как простудиться. — Она окидывает меня недовольным взглядом и пятится, как будто мое происхождение простолюдинки может быть заразным.

— А ваша прическа вам очень идет, — как ни в чем не бывало говорю я. Элизабет прищуривается: жидкие завитки волос выбились из прически, и один из бантов отпал.

— Хватит щебетать, — мягко произносит месье Гибодэ. — Разбейтесь на пары и прогуливайтесь передо мной. Юные дамы, по двое и раз, два, три, и раз, два, три... Мадемуазель де Турнем, чуть легче опирайтесь на стопы! Мадемуазель де Семонвилль, не надо так качать головой, вы же юная дама, а не утка. Мадемуазель Пуассон — прекрасно, прекрасно! Все остальные... обратите внимание, как она держит голову, когда скользит в танце, как изогнуты руки, как грациозен каждый ее шаг.

Я с улыбкой прохожу мимо Элизабет и остальных девушек.

Вернувшись домой, с рыданиями вбегаю в мамину комнату. Мама сидит на кровати с Абелем, который нападает своими игрушечными солдатиками на нашего кота Фредди. Я падаю рядом с ними и заливаюсь слезами.

— Зачем мне нужно туда ездить? Они ненавидят меня! Смотрят свысока!

— Милая моя, перестань жаловаться. Мы должны быть благодарны Норману за то, что познакомил тебя со своей семьей, у них огромные связи.

— Они обзывают меня вонючей рыбешкой.

— Даже я должна признать, что у твоего отца неудачная фамилия, Ренетта, но ты должна научиться с достоинством выносить любую жестокость. Мир может быть суров и полон ненависти.

Я прикусываю губу:

— Я не хочу, чтобы мир был жесток! Почему они не могут быть милы со мной? Я же мила с ними! — «Ну, чаще всего», — думаю я, вспоминая волосы Элизабет. Но она, вероятнее всего, не знает, что я над ней посмеиваюсь.

— Милая моя, не кусай губы. Ты их полностью искусаешь, и они станут узкими, как у мадам Круссон, соседки сверху. — Мама вздыхает и ерошит волосы Абеля. — Я знаю, как ты хочешь, чтобы тобой восхищались, но жизнь не всегда похожа на сказку.

— Мы должны сменить нашу фамилию, и тогда они никогда не посмеют надо мной смеяться.

Мама горько усмехается:

— Никогда не думай, что, сменив имя, ты сможешь что-то изменить, они просто найдут иной способ мучить тебя.

— Рыбки — чудесные создания, — произносит Абель. — Молчаливые и умные. — Абелю всего семь, и он назойлив, как все младшие братья.

Мама наклоняется и поправляет одну из шпилек у меня за ухом.

— Я боюсь, что ты слишком мягка, моя милая Ренетта. Но не волнуйся, однажды ты удачно выйдешь замуж и сменишь свою фамилию.

— Наверное, я выйду замуж за месье Пуле — господина Курицу, — угрюмо шучу я, вспомнив своего учителя рисования. Терпеть не могу ужасные фамилии.

— Ренетта! Не будь такой мрачной. Пожалуйста, улыбнись. А теперь мне пора... пойду найду Сильвию — уже почти шесть.

Мама уходит, но Абель остается и продолжает осаждать своими солдатиками нашего кота. Несмотря на все его протесты, я хватаю одного и швыряю на пол, злые слова этих девиц все еще звенят у меня в ушах. Я закусываю губу. И в среду мне придется туда возвратиться.

Я откидываюсь на кровати, собираясь заплакать, но потом вспоминаю короля, и у меня поднимается настроение. Эти глупые девицы... их не зовут Ренетта, и им не уготована такая удивительная доля, как мне. А когда я стану любовницей короля, им придется быть со мной любезными и они не позволят себе вновь называть меня ужасными прозвищами.

Часы бьют шесть, я переворачиваюсь в кровати. Завтра известный оперный певец месье Желиотт придет давать мне урок музыки, и нужно разучить четыре новые песни. Он хочет, чтобы я выучила сто песен. И я уже знаю пятьдесят девять или шестьдесят — сбилась со счета.

Глава третья

Надеваю свое лучшее платье и ощущаю себя такой деревянной и скованной, как будто в тисках «железной» матери. Дядюшка Норман устроил особый ужин с моим крестным, крупным финансистом Пьером Пари де Монмартелем, который к тому же является добрым другом моей матушки. Перед тем как его изгнали, мой батюшка работал на Монмартеля. Козел, пустившийся в бега, как сказала мне на кухне Сильвия, только я не понимаю, что она имеет в виду. Кроме того, раньше батюшка торговал зерном, а не скотом.

Дядюшка Норман тоже ведет дела с Монмартелем: они ссужают людям деньги и берут проценты, владеют кораблями и компаниями. По словам дядюшки Нормана, мой крестный и его трое братьев настолько влиятельны, что весь Париж у них в кармане. Монмартель очень богат, он всегда с иголки одет, сегодня на нем мягкие белые сапоги, красивый, расшитый узорами бархатный сюртук с алым кружевом. Он принес с собой запах более значительной и роскошной жизни.

За обедом Монмартель делает комплименты моей манере держаться за столом, тому, как изысканно я ем спаржу.

— Благодарю, сир, — улыбаюсь я, — мама всегда говорит, что милая улыбка — это лучший наряд на все случаи жизни. — А я восхищена тем, как вы разделались с уткой.

Мужчины за столом смеются.

— Она не пугливая лань, нет? — интересуется Монмартель у моей матушки. — Четырнадцать лет, какой прекрасный возраст.

Мама улыбается ему почти так же широко, как она обычно улыбается Норману, и отвечает, что я очень независима, но,

если нужно, могу быть мягкой и учливой. Когда обед заканчивается, она поворачивается ко мне и говорит:

— А теперь, Ренетта, покажи все, что мы приготовили.

— Ренетта... мне всегда казалось, что прозвища — это довольно вульгарно, но это так подходит нашей малышке. — Дядюшка Монмартель вновь устраивается за столом со стручком спаржи в одной руке — он не позволил слуге унести свою тарелку — и щепоткой нюхательного табака в другой. Дядюшка Норман не приветствует нюхательный табак; он говорит, что из-за табака начинаешь неумеренно чихать, а он знал одного человека, который вычихал свой мозг, тот вытек прямо через нос, а все из-за того, что слишком любил нюхательный табак.

— Уважаемые господа, сейчас я, чтобы усладить ваш слух, спою вам арию из оперы «Ипполит и Арисия»¹.

Я встаю, делаю реверанс, а потом начинаю петь, всплескивая руками, чтобы подчеркнуть самые важные моменты, воздевая взор к небесам и заламывая руки, когда дохожу до слов о своем неукротимом сердце.

Я замечаю, что мужчины смотрят на меня, открыв рот и широко распахнув глаза; надеюсь, я не навеваю на них скуку. Ой, нет... мама тоже выглядит встревоженной.

— Я плохо пела? — шепчу я в конце вечера, когда Норман провожает важного гостя к экипажу.

— Нет-нет, милая, ты была великолепна. Но вот платье... оно тебе уже узко.

Я заливаюсь краской стыда и отворачиваюсь. Это правда: у меня начала расти грудь, но я надеялась, что этого никто не заметит.

— И это был, — говорит дядюшка Норман, возвращаясь в комнату, — самый влиятельный человек во Франции.

— Ну конечно же, вы шутите, дядюшка! Самый могущественный человек во Франции — это король, потом его министры и все эти герцоги и принцы. Кардиналы.

¹ «Ипполит и Арисия» — опера французского композитора Жан-Филиппа Рамо.

Норман качает головой, усаживается за стол, кладет в рот виноградину. Достает из кармана золотую монету и подкидывает ее над столом.

— Ему точно понравилась спаржа, я права? — выказывает мама недовольство. — Почти все доел. — Она берет последний стебелек спаржи, грациозно окунает в острый соус, а потом начинает задумчиво жевать.

— Видишь ли, Ренетта, у того человека, того самого, который, как правильно заметила твоя матушка, съел почти всю спаржу, у него с братьями этих денег... — Норман ловит вращающуюся монетку, которая поблескивает в свете свечи, — у них денег больше, чем у любого другого во Франции. И король не исключение. И поэтому именно он и его братья — самые влиятельные люди в стране. Титулы, положение, право рождения... все это уже не имеет такого значения, как раньше. Их власть меркнет рядом с властью этих самых монет.

Мама качает головой и наливает себе бокал коньяку.

— В годы моей юности, — говорит Норман, смахивая остатки табака со скатерти, — величайший финансист Кроза, такой же богатый, как Крез, был сыном крестьянина и купил своей дочери в мужья графа д'Эвре. Бедняжка... Граф отказывался заниматься с ней... я хотел сказать, целовать ее, приговаривая, что он никогда не опустится до дочери простолюдина. Хотя не побрезговал кутить на ее огромное приданое.

— Ой, бедняжка! — Как ужасно, что ее супруг даже не целовал ее, и только потому, что она не голубых кровей. Как я. Но если малышка Кроза была наследницей огромного состояния, то за мной не дадут ни гроша. «Очаровательна, как закят», — любит говорить дядюшка Норман, но у меня совершенно нет денег.

— Эти великосветские львы... у них собственный взгляд на вещи. И они не очень хотят меняться. — Старая аристократия презрительно относится к богатой буржуазии, к которой принадлежит дядюшка Норман, но при этом очень завидует ей. Дядюшка Норман любит приговаривать, что старая аристократия носится со своим престижем и происхождением, как с писаной торбой, как будто это может их накормить и одеть.

И с усмешкой добавляет, что одним престижем сыт не будешь. — Но когда-нибудь мы все переженимся и будем править, и знатность будет основываться исключительно на собственных заслугах.

— Фи, Норман! Ты говоришь ерунду! — восклицает мама.

Я тоже в этом сомневаюсь: всем известно, что социальное положение и происхождение очень важны. Я вспоминаю о тех противных сестрицах Пуаро в монастыре, о том, как к ним по-особому относились монашки, а все потому, что отец их — маркиз и занимает должность при дворе. И как монашки пренебрежительно относились к девочкам победнее. Тот стыд, который охватывает меня на уроках танцев с более родовитыми девицами.

Я пытаюсь объяснить все это Норману, но он просто хохочет и, несмотря на матушкины протесты, подливает мне бренди, отчего у меня появляется румянец и я начинаю глупо хихикать.

От Клодин де Сайак
Монастырь урсулинок
Пуасси, Франция
10 июня 1737 года

Дорогая моя Жанетта!

Приветствую тебя, дорогая моя подруга, и благодарю за письмо, которое я имела честь от тебя получить.

К сожалению, должна сообщить тебе, что Честер улетел, когда эта отвратительная Жюли Пуаро забыла закрыть клетку. Теперь у нас новая птичка, которую купила нам сестра Урсула, но у нее белое оперение, и она намного меньше. А потом она отложила яйцо. А ведь пары у нее не было! Мари сказала, что, наверное, непорочное зачатие бывает и у птиц, но Жюли ответила, что, если у птиц нет души, о каком непорочном зачатии может идти речь? Однако из яйца так никто и не вылупился, хотя мы положили его в теплое гнездо, которое сделали из лент.

В сентябре я уезжаю из монастыря и возвращаюсь в Онфлер. А сестричка моя останется; она хочет посвятить себя Господу,

и родители наши наконец-то на это согласились. Как бы мне хотелось, чтобы ты навестила меня в Онфлере! То, что я писала прошлым летом о протекающей крыше, о том, как было скучно и как волки задрали мою собачку, — все это не всерьез, здесь по-настоящему хорошо. И ты обязательно должна приехать ко мне в гости.

Пиши поскорее!

Засим остаюсь твоей самой верной и преданной слугой.

Клодин

От Мадлен Пуассон
Улица Добрых Детей, Париж
2 сентября 1738 года

Моя дорогая дочь!

Норман придет за тобой экипаж, и в следующий четверг ты доберешься до Онфлера. Кучер передаст коробочку засахаренных каштанов — ты вручишь их матушке Клодин. Не забудь еще раз поблагодарить их за оказанное гостеприимство и, разумеется, настаивай на том, что для нас будет огромной честью принять Клодин у себя в Париже (хотя новость о том, что теперь она обручена со своим дядюшкой, делает подобную возможность довольно отдаленной).

И хотя ты сама, вероятно, польщена тем, что оба ее брата признались тебе в своих чувствах и льют слезы из-за твоего отъезда, ты не должна вселять в них надежду. Мы метим значительно выше, чем эта милая провинциальная семья (и я не сомневаюсь, что их родители тоже мечтают о лучших партиях для своих сыновей, чем ты). Дай понять молодым людям, что, если они надумают писать, их письма вернутся без ответа.

Твой брат Абель на прошлой неделе впервые примерил парик! Это был очень волнующий момент и для меня, и для дядюшки Нормана — он так быстро растет. Конечно же, я имею в виду Абеля, а не Нормана. В следующем месяце он уезжает в школу, но ты вернешься как раз до его отъезда и успеешь попрощаться. Постарайся привести ему из Онфлер ракушку, которой он дополнит свою коллекцию.

Должна заканчивать; свеча вот-вот догорит, а Сильвия уже отправилась почивать. Желаю тебе легкой дороги.

Люблю всем сердцем,

мама

Глава четвертая

Нам наносят частные визиты, приходят незнакомые люди. Я слышу обрывки фраз:

— Ей уже девятнадцать. Достаточно взглянуть на нее, чтобы потерять голову.

— Вы беседовали с Монмартелем. Что он говорит?

— Кузен де ля Портай — прекрасный человек, невероятно богат, но ему почти семьдесят.

Сейчас обсуждается самое важное событие в моей жизни: мой брак. Когда я думаю о своем будущем муже, то мысленно обращаюсь, как часто бывает, к королю. Матушка приобрела копию последнего портрета короля. У него такое красивое лицо, что, глядя на портрет, я готова расплакаться. Мой супруг должен быть потомственным аристократом, с местом при дворе, он и откроет мне путь в Версаль, где король влюбится в меня. А я в него.

Но, разумеется, не мне выбирать себе мужа.

Позже я узнаю, что моим супругом будет племянник дядюшки Нормана, Шарль, молодой человек, всего на пару лет старше меня. В качестве свадебного подарка Норман подарит нам землю и замок — достаточно для получения титула графа.

— И ты станешь графиней, дорогая моя! А какое красивое название для имения: Этиоль почти как Этуаль — «звезда»! — восклицает матушка.

Я знакомлюсь с Шарлем; это приехавший с отцом угрюмый молодой человек, который не преминул выразить свое недовольство. Но уже к концу встречи Шарль был мною очарован и беспрестанно повторял, что с радостью готов идти под венец. Даже его отец уступил: у Нормана своих детей нет, поэтому

Шарль будет его единственным наследником. Мы будем получать 40 000 ливров в год — огромная сумма, более чем достаточная, чтобы покупать мне наряды, инструменты и книги, какие я пожелаю.

После знакомства я удаляюсь в спальню и бездумно упираюсь взглядом в потолок. Входит мама и целует меня в лоб.

— Сегодня ты одержала настоящую победу, милая моя.

Я прикусываю язык. Тоже мне победа! Он ведь просто мальчишка! К тому же ничего из себя не представляющий.

— Он не очень красив, — наконец говорю я.

Шарль чуть выше меня и своими мелкими чертами лица напоминает крысу. На прощание он неловко поклонился и невнятно, с трудом подбирая слова, пробормотал: «Мы исчем встретимся». Я вспоминаю свой любимый портрет короля — изогнутые губы, темные глаза, мягкий взгляд. У Шарля нет места при дворе и, скорее всего, никогда и не будет.

— Ренетта, с каких это пор для мужчин важна красота? Ты замуж выходишь, милая моя. Первый важный шаг в твоей жизни, тот, который, мы надеемся, приведет нас к великим победам.

— Он наступил мне на юбку, когда прощался, — продолжаю я. — А что за ужасный оранжевый сюртук он на себя надел? Ему на вид лет десять.

Мама смягчается и обнимает меня:

— Мы не можем совершить чудо, даже несмотря на то, что ты известна всему Парижу как самая желанная и образованная из молодых женщин. Мы мечтаем об ослепительном браке для тебя, но мы должны смотреть в глаза реальности.

— Он заикается. Даже не смог ни одного предложения произнести грамотно.

— Ренетта, довольно! Всем нам приходится делать то, что не нравится, — раздраженно отвечает мама. Лицо ее мрачнеет.

Я гадаю, о каких минувших горестях она задумалась. Ма-тушка всегда держит боль в себе и говорит, что горестями не стоит делиться.

— *Oui, tatan*, — сдаюсь я и натягиваю на лицо улыбку, которую сохраняю до ее ухода, а потом заливаюсь слезами.

После свадьбы мы с Шарлем переезжаем в дом дядюшки Нормана на улицу Сен-Оноре, за углом от дома моей матери. Наша интимная жизнь не приносит мне удовольствия, я не уверена, что мы сделали все как надо, поскольку Шарль нетерпелив, а я вовсе не стремлюсь ему помогать. Кроме того, уж лучше, когда липко снаружи и тебя просто щупают, чем когда в тебя начинают тыкать и раздвигать ноги толстыми пальцами, или, хуже того, кажется, что ищут мясо в хвосте лангуста.

Когда муж спит — а он настаивает на том, чтобы спать в моей спальне, — я слушаю, как он храпит, и думаю, как же все это странно — то, чем занимаются мужчины и женщины. Мама с дядюшкой Норманом занималась тем, что я делаю сейчас. Или, по крайней мере, что мы пытаемся делать. Удивительно! И этим я буду заниматься с королем, когда стану его любовницей? Конечно, с королем будет все иначе. Больше похоже на соитие с ангелом, воспетое поэтом. Должно быть так.

От мадам де Тансен
Улица Квинкампуа, Париж
15 июня 1741 года

Милая моя графиня д'Этиоль!

Позвольте мне первой поздравить вас с законным браком. Ваш супруг из хорошей семьи, а ваши достоинства известны далеко за пределами Парижа. Мой добрый приятель, певец Пьер Желиотт, все не может перестать расхваливать ваши таланты.

Вы окажете мне честь, если посетите один из моих приемов для самых близких. Ничего особенного, но надеюсь, что будет остроумно, изящно и немного дерзко. Не считите за грубость, но мой салон может похвастаться более изысканным и более избранным обществом, чем салон мадам Дюпен; девиз моего салона: «Скука прочь! Здесь ей не место!»

Вы можете приезжать одна. Ваш дядюшка, хотя я люблю его всем сердцем, не слишком остроумный собеседник, да и у вашего дражайшего супруга желание блистать превос-

ходит талант к оному, поэтому будет лучше, если он останется дома.

Тогда жду вас в следующую среду; многие дамы предпочитают одеваться просто.

Прошу вас, дайте знать, что приедете.

С самыми наилучшими пожеланиями,

Тансен

Глава пятая

В салонах Парижа смешиваются все классы и сословия — поэты и пэры, писатели и герцоги, красивые женщины и молодые мужчины, у которых единственное богатство — их ум, а отсюда возникает очень важный вопрос: почему кто-то считается ниже по положению только потому, что у него нет титула? Неужели кто-то действительно полагает, что маркиз де Вильмур, известный своей глупостью, чем-то лучше Вольтера?

Теперь, уже будучи замужней дамой, я могу посещать подобные собрания и самостоятельно искать ответы на свои вопросы.

— Вы все же пришли! Чудесно! Мы просто обязаны познакомиться с этим маленьким бриллиантом, о котором гудит весь Париж, — говорит мадам де Тансен, проводя закрытым веером по моей щеке. Она намного старше меня, у нее живые, пытливые глаза, а лицо напоминает печеное яблоко.

В светильники налито масло, и по изысканно убранной комнате плывет аромат лаванды и герани. Эффект усиливается благодаря пасторальным сценам на стенах.

— Да-да, это будущее, и оно уже здесь, — хрипловато смеется она. — Моложе, красивее, светлее. Этими тремя словами все сказано.

— Но, мадам, хватит ли у нее ума поддержать беседу? Молодость и красота быстротечны, а ум переживет нас всех, — говорит шевалье де Роган, подходя к хозяйке салона. Они

разглядывают меня, как кобылу перед покупкой, а Роган медленно, с многозначительным видом поглаживает эфес шпаги.

— Что ж, давайте проверим, как полагаете? — отвечает мадам де Тансен.

Я пытаюсь скрыть нервозность, когда она берет меня под руку и ведет по салону, представляя как графиню д'Этиоль, племянницу месье Нормана, крестницу Монмартеля. Ни слова о моем супруге или матушке. Я знакомлюсь с Кассини, астрономом, и драматургом Кребийоном, чьи пьесы я обожаю, и юной британкой, которая, по слухам, является его любовницей. У нее на нежном плечике устроился желтый зяблик. А какой-то древний сгорбленный старик, которого мне представили как герцога де Брогли, всплескивает руками и похотливо спрашивает, кто уже удостоился моей приязни.

— Никто, месье. Мой супруг — чудесный человек, — отвечаю я.

Тансен фыркает:

— Это ненадолго, милая, могу вас уверить.

— Я первый в очереди, когда вы решите вкусить радости общества, — галантно возвещает старый герцог, и взгляд его скользит по моему корсету.

— Тогда вам придется сначала пропустить короля, — неуверенно отвечаю я, но эти слова кажутся правильными и естественными. — Если уж обманывать супруга, то только с самим королем.

Собравшиеся хихикают и начинают перешептываться.

— Отлично сказано, отлично сказано, — говорит мадам де Тансен. — Ловкий способ отвадить поклонника, который очень скоро вам понадобится. Но не забудьте, маленькая рыбка, для этого общества супружеская верность — слишком буржуазно.

* * *

Я поднимаюсь к матушке в комнату, вся раскрасневшаяся.

— Как же я жалею, что тебя не было рядом!

— Милая моя, тебе ли не знать, как я в последнее время устаю. — Я-то знаю, что говорю это из вежливости. Матушку

в подобных местах не принимают. Она слишком низкого происхождения, к тому же у нее было чересчур много друзей. Любовников.

— Я познакомилась с Кассини! А польский посол сказал, что у меня глаза цвета грозового весеннего неба перед штормом. Скорее всего, он истинный поэт. Хотя и очень близорук.

— А твое платье?

— Вполне подошло. Никто ничего не сказал о моем наряде. Платье мадам де Тансен было очень простым: льняное, кремового цвета, а одна из присутствующих дам надела на талию пояс.

Я поправляю бант на своей шее, вспоминаю, как Брогли сказал, что у меня соловьиный голосок и что ему бы очень хотелось под него засыпать. Я сажусь на кровать и сбрасываю туфли. Одна из них падает в камин.

— Наверное, ты очень устала, если меня не ругаешь, — весело говорю я, глядя ее по голове.

Мама молчит, поэтому я без умолку начинаю трещать о разговорах, развлечениях, еде.

— Пирамида из кремовой меренги различных цветов! Я никогда бы не подумала, но комбинация была изысканной и очень красивой! Я должна все рассказать нашей кухарке. А сколько комплиментов! Герцог де Брогли сказал, что я как сочный персик и что он с удовольствием стал бы моим первым любовником! А маркиз де Меркуин сравнил цвет моих волос с... знаешь, я даже повторять этого не должна.

Но меня уже не унять. Я чувствую себя такой живой и полной сил. Оказаться в центре идей, мыслей, писателей, искусства! И внимания!

Позже, оставшись одна, я вспоминаю все те недомолвки, которые оставила без внимания: нотки зависти в голосе Тансен, когда она восхищалась мной; отчаянный, дрожащий голос графа де Нанги, на которого никто не обратил внимания, — все сделали вид, что не расслышали. Излишне любезные вопросы о здоровье моей матушки. Столько людей, столько чопорности. Шевалье Роган резко бросил, что польский посол крепок

задним умом, то есть вспоминает уместные слова, когда сам уже ушел и поднялся на лестничный пролет. Что же они говорили обо мне за моей спиной?

За моим дебютом последовали букеты цветов и изящно написанный веер, прислали и несколько приглашений. На следующей неделе я встречаюсь с великим Вольтером. Когда он видит меня, делает вид, что падает в экстазе со словами, что взорвал порох любви, поскольку стрелы Купидона нужно заменить на более современное оружие. Мы вскоре обсуждаем, как же будет называться это новое оружие. Единогласно было решено, что теперь Купидон носит в своем колчане «оружие наслаждения».

Вскоре я понимаю, что имею огромный успех, судя по числу поклонников и тому, что я слышу. Некоторые из слухов вызывают у меня смех, но другие более жестокие:

— Значит, эта маленькая пташка бережет себя для Его Величества? Я бы сказала, что она в его вкусе, довольно аппетитна.

— В его вкусе все девицы — только взгляните на этих страшилищ Майи-Нель.

— К красоте прилагается еще и ум; по всей видимости, у нее есть мозги подо всем этим опереньем.

Несмотря на весь круговорот событий, в который превратилась моя жизнь, я, оставшись в одиночестве, все равно тоскую в ожидании короля. Я все бы отдала за один день в Версале, один день в центре его мира. В салонах я встречаю придворных; среди них герцог де Дюра и герцог д'Аньен — оба приближенные короля. Они из тех, кто сидит на двух стульях: посещают Парижскую оперу и общаются с простолюдинами в салонах, а потом возвращаются к своей придворной жизни в Версале.

И хотя они восхищаются моей красотой, сомневаюсь, что они говорят с королем обо мне — с чего бы вдруг? Для них я всего лишь красивое никто. Порой, когда мне особенно грустно, кажется, что Версаль — это лишь далекий салон, куда меня никогда не пригласят. Я как та муха, которая бьется по другую сторону стекла.

Содержание

Действие I. Ренетта	11
Действие II. Маркиза.	83
Действие III. Розалия	164
Антракт	235
Действие IV. Морфиза.	239
Антракт	297
Действие V. Марианна.	299
Антракт	353
Действие VI. Герцогиня	356
Эпилог.	408
Комментарий автора	410
С благодарностью	413

Літературно-художнє видання

КРИСТІ Саллі
Фаворитки. Суперниці з Версаля

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 20.04.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

КРИСТИ Салли
Фаворитки. Соперницы из Версаля

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 20.04.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

1745 рік, Франція. Ніхто не знав про юну Жанну-Антуанетту Пуассон. Але весь світ знав велику й могутню маркізу де Помпадур, господиню Версаля. Вона — та сама, що змогла заволодіти серцем і розумом самого Людовіка XV. Особи з оточення короля вправно плетуть сіті інтриг, бажаючи послабити владу маркізи. Багато красунь мріють опинитися в покоях монарха і знищити маркізу. Навіть двоюрідний брат уславлених сестер де Майї-Нель вступає до гри... Однак найсильнішою суперницею маркізи стає чотирнадцятирічна кокетка. Вона небезпечна, як отруйні шипи, і прекрасна, як троянда. Невже полічені дні могутності маркізи де Помпадур?

Кристи С.

К82 Фаворитки. Соперниці из Версаля : роман / Салли Кристи ; пер. с англ. И. Паненко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 416 с.

ISBN 978-617-12-5084-0

ISBN 978-1-5011-0299-8 (англ.)

1745 год, Франция. Никто не знал о юной Жанне-Антуанетте Пуассон. Но весь мир знал великую и могущественную маркизу де Помпадур, хозяйку Версаля. Она — та самая, кто смогла завладеть сердцем и разумом самого Людовика XV. Приближенные короля искусно плетут сети интриг, желая ослабить власть маркизы. Множество красавиц мечтают оказаться в покоях монарха и уничтожить маркизу. Даже двоюродный брат пресловутых сестер де Майи-Нель вступает в игру... Однако самой сильной соперницей маркизы становится четырнадцатилетняя кокетка. Она опасна, как ядовитые шипы, и прекрасна, как роза. Неужели дни могущества маркизы де Помпадур сочтены?

УДК 821.111(73)